

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-62-77

НОВЫЕ ГРАНИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: КОНЦЕПЦИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ ЭДВАРДА СОЙИ*

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье рассматривается концепция урбанизации американского исследователя Эдварда Сойи. Он констатирует появление постмодернистских городских образований, тем самым фиксируя переход от метрополиса к постметрополису и обосновывает необходимость разработки новой методологии городских исследований, поскольку модели Чикагской школы устарели. Они описывают моноцентричные города, а в современном мире мы имеем дело с полицентричными агломерациями. Э. Сойя демонстрирует, что социальные проблемы городов начинают распространяться на пригороды, которые перестают быть благополучными районами. Выделяются основные причины нового этапа урбанизации: глобализация, экономическая реструктуризация и развитие информационных и коммуникационных технологий. Подробно анализируются шесть современных дискурсов, связанных с оформлением и функционированием постметрополиса и изучением его основных проблем: неравенства, социальной несправедливости, неравномерности распределения социальных благ, эксклюзии, роста преступности, ухудшения состояния окружающей среды и других. Особое внимание уделяется трансформации пригородов, которая ведет к изменению пространственного неравенства и появлению новых его форм.

Ключевые слова: Эдвард Сойя, постметрополис, пространственное неравенство, постмодернистская урбанизация, город-регион.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”, № 18-011-01106.

** Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

NEW FEATURES OF SOCIAL INEQUALITY: EDWARD SOYA'S CONCEPT OF POSTMODERNIST URBANIZATION

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article examines the concept of urbanization of the American researcher Edward Soja, who notes the transition from metropolis to postmetropolis, thereby fixing the emergence of postmodern urban entities. He argues the need to develop a new urban research methodology, since the models of the Chicago school are outdated. They describe monocentric cities, and in the modern world we are dealing with polycentric agglomerations. Soja demonstrates that the social problems of cities are beginning to spread to the suburbs, which are no longer prosperous areas. The main reasons for the new stage of urbanization are highlighted: globalization, economic restructuring and the development of information and communication technologies. Six modern discourses related to the design and functioning of the post-metropolis are analyzed in detail. The main problems of postmetropolis are considered: inequality, social injustice, uneven distribution of social benefits, exclusion, rising crime, environmental degradation, etc. Particular attention is paid to the transformation of suburbs, which leads to a change in spatial inequality and the emergence of new forms of it.

Key words: Edward Soja, postmetropolis, spatial inequality, postmodern urbanization, city-region.

Социальное неравенство является одной из главных проблем современного мира, которая особенно остро проявляется в городах и на урбанизированных территориях в непосредственной близости от них. Крупные города-регионы, в которых проживает более миллиона жителей, сегодня являются основными движущими силами мировой экономики, концентрируют инновации и капитал, и одновременно становятся местами сосредоточения работающих бедных. Пригороды, традиционно считавшиеся благополучными районами, демонстрируют новые формы пространственного неравенства, ставшего следствием очередного этапа урбанизации, связанного с размыванием городских границ и появлением более сложных и одновременно аморфных городских образований — городов-регионов.

В начале XXI в. на смену концентрическим городам, окруженным пригородами, которые находились в центре внимания представителей Чикагской школы, пришли более сложные образования — агломерации, мегалополисы и т.п. Одним из исследователей, который анализирует новый этап урбанизации и связанные с ним социальные изменения, является Эдвард Сойя (Edward W. Soja, 1940–2015).

В широкий круг интересов Э. Сойи входят не только вопросы регионального развития и управления, но также пространственные аспекты социальной жизни, поэтому он является влиятельной фигурой как в области городского планирования, так и в социальных науках¹. Он опирается на идеи французского социолога А. Лефевра², испано-американского социолога М. Кастельса³, американского исследователя Д. Харви⁴ и других теоретиков урбанизации последней трети XX в.

Э. Сойя полагает, что с 1980-х гг. начинаются фундаментальные и далеко идущие изменения природы процесса урбанизации, происходит переход от городов к региональным урбанизированным образованиям⁵. Несмотря на то что основные черты традиционного города начинают исчезать, изменения часто остаются незамеченными или объясняются с помощью устаревшей схемы противопоставления города и пригорода. Э. Сойя указывает на то, что идеализированные модели Чикагской школы доминируют в городской теории на протяжении всего XX в. Однако они описывают промышленные города конца XIX — начала XX в., для которых характерны высокая степень централизации и концентрация предприятий и людей в непосредственной близости от ядра. Пригороды конца XIX — начала XX в. характеризуются низкой плотностью населения и меньшим числом социальных проблем, в отличие от центра, и поэтому ему противопоставляются. Однако постепенно начинается процесс выведения отдельных функций из городского центра. Одной из его причин во многих городах становится концентрация в центральных районах города малообеспеченных слоев населения, присутствие которых заставляет более благополучные семьи и уважаемые предприятия менять место своего расположения. Исследователь указывает на тот факт, что в течение первых двух третей XX в. бедные концентрировались преимущественно в центральных районах города, причем

¹ Paul S. In memoriam: Edward Soja (1940–2015), Distinguished Professor Emeritus of Urban Planning. URL: <http://luskin.ucla.edu/2015111220151112in-memoriamedward-soja-1940-2015-distinguished-professor-emeritus-of-urban-planning/> (accessed: 01.02.2018).

² Подробнее см.: Вершинина И. А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48–60.

³ Подробнее см.: Вершинина И. А. Трансформация социальной структуры в информационном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3–17.

⁴ Подробнее см.: Вершинина И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.

⁵ Soja E. Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / Ed. by G. Bridge, S. Watson. Oxford, 2011. DOI: 10.1002/9781444395105.ch59. P. 679–680.

это явление наблюдалось даже в бывших колониальных странах, где центр одновременно включал в себя и районы размещения богатой элиты⁶.

По мнению Э. Сойи, окончательное завершение этапа урбанизации с формированием традиционных городов — конец эпохи метрополиса (*metropolis*)⁷ — приходится на 1960-е гг. Новый этап урбанизации приводит к явным морфологическим изменениям, в большинстве крупных городов мира наблюдается снижение плотности населения и концентрации ресурсов в центральных районах. Вместе с тем, необходимо отметить, что процессы региональной урбанизации значительно различаются, поскольку в каждом городе и регионе имеют свои особенности. Единственная общая тенденция, которую выделяет Э. Сойя, — рост плотности населения пригородов, которые становятся экономически более дифференцированными⁸. Таким образом, характерной особенностью региональной урбанизации является растущая урбанизация пригородов, которая не может, к сожалению, обеспечить “умный” рост или устойчивое развитие. Тем не менее, исследователь фиксирует новый этап процесса урбанизации, который, с его точки зрения, недостаточно хорошо осознается.

Э. Сойя фиксирует появление новой городской формы — расширяющегося, полинуклеарного, насыщенного информационными потоками и различными сетями и все более глобализирующегося городского региона, что часто рассматривается как незначительный поворот, значение которого недооценивается⁹. Он указывает на неточный характер терминов, используемых для описания глобализации в городском пространстве. Ни появившийся ранее “мировой город”¹⁰, ни более поздний “глобальный город”¹¹ не отражают специфики новых образований. Э. Сойя настаивает на том, что городской регион — это не просто выражение глобализации, а отражение более фундаментальных изменений в процессе урбанизации, возникающих в результате расширения границ городов и перехода от моноцентричной модели с низкой плотностью населения в пригородах к полицентричной сети городских агломераций с высокой плотностью населения во всем урбанизированном регионе¹². Пространственные изменения являются следствием трансформации эко-

⁶ Soja E. Op. cit. P. 682.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 683–684.

⁹ Ibid. P. 684.

¹⁰ Friedmann J. The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. N 1. P. 69–84.

¹¹ Sassen S. The global city. Princeton, 2001.

¹² Soja E. Op. cit. P. 684.

номики, которая становится глобальной. Концепция региональной урбанизации Э. Сойи в значительной степени является продуктом так называемого “пространственного поворота”¹³, связанного с ростом внимания к новым урбанистическим формам в разных областях научного исследования. Регионы начинают рассматриваться как фундаментальные единицы социальной жизни, требующие комплексного анализа¹⁴.

Сочетание одновременно деиндустриализации и реиндустриализации (вывода промышленных предприятий за пределы города или их модернизации), а также децентрализации и рецентрализации (увеличение плотности населения в пригородах и пополнение центральных районов за счет транснациональной миграции) приводят к реорганизации социальной и пространственной структуры почти всех современных крупных городов¹⁵. Тем самым, создаются основы для “новой экономики”, для становления гибкого, глобального и неолиберального способа городского промышленного капитализма. Э. Сойя отмечает тревожные тенденции региональной урбанизации, из которых наиболее значимой является усиление экономического неравенства и социальной поляризации. Новая экономика способствует сокращению численности когда-то обширных средних слоев городского населения, что беспокоит и многих других исследователей, например, С. Сассен¹⁶ и Р. Сеннета¹⁷.

Э. Сойя называет три основные силы, которые, с его точки зрения, являются причиной нового этапа урбанизации и планомерно способствуют формированию городских регионов:

- глобализация капитала, рынка труда и сферы культуры;
- экономическая реструктуризация и формирование новой экономики;
- революция в области информационных и коммуникационных технологий¹⁸.

Э. Сойя полагает, что в конце XX — начале XXI в. интенсифицируется процесс, который он называет “глобализацией городского

¹³ The spatial turn: interdisciplinary perspectives / Ed. by B. Warf, S. Arias. N.Y.; L., 2008; Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Ed. by J. Doring, T. Thielmann. Bielefeld, 2008; Kommunikation — Gedachtnis — Raum: Kulturwissenschaften nach dem “spatial turn” / Ed. by M. Csaky, Ch. Leitgeb. Bielefeld, 2009.

¹⁴ Soja E. Op. cit. P. 688.

¹⁵ Ibid. P. 684.

¹⁶ Подробнее см.: Вершинина И. А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.

¹⁷ Подробнее см.: Вершинина И. А. Влияние капитализма на процесс урбанизации: социология города Ричарда Сеннета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 172–183.

¹⁸ Soja E. Op. cit. P. 684.

населения”¹⁹. Формируются районы компактного проживания бедных иммигрантов, создающих гораздо более культурно и экономически гетерогенные города, нежели существовавшие прежде. Эти процессы не новы, их происхождение можно проследить задолго до последней четверти XX столетия, однако, их интенсивность и масштаб позволяют говорить о принципиальном отличии ситуации конца XX в. от более ранних периодов. Э. Сойя также отмечает, что процессы реструктурирования пространства неравномерно, с разной скоростью и в разной степени происходят во всем мире, т.е. являются универсальными.

Термин, который использует Э. Сойя, чтобы подчеркнуть различия между городскими регионами конца XX — начала XXI в. и теми образованиями, которые формируются в середине двадцатого столетия, — “постметрополис” (*postmetropolis*)²⁰. Приставка “пост” (*post*), таким образом, свидетельствует о переходе от традиционных городов (*metropolis*), к чему-то новому, значительно отличающемуся от предыдущих урбанистических реалий. Постметрополис, по его мнению, — это результат очередной урбанистической революции, в результате которой произошло переосмысление идеи пространства, так как границы между городом и пригородом стали размытыми, город оказалось невозможно анализировать без учета того, что находится за его пределами²¹.

Новые формы и образцы городской жизни исследователь называет постмодернистскими и полагает, что они значительно усложняют прежнюю методологию анализа городов и пространства. Э. Сойя настаивает на том, что изменение пространственных форм влечет за собой социальные трансформации, поэтому социология должна продвигаться вперед, не останавливаясь на концепциях М. Кастельса²², Д. Харви²³, и других исследователей, которые фиксируют кризис метрополиса, но не рассматривают новые урбанистические образования²⁴. Пространственные изменения являются настолько значительными, что нельзя просто дополнять старые знания новыми, возникает слишком много противоречий, поэтому необходимо

¹⁹ Soja E. Op. cit. P. 682.

²⁰ Soja E. *Postmetropolis. Critical studies of cities and regions*. Malden, 2007.

²¹ Ibid. P. 147–148.

²² Castells M. *The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements*. Berkeley, 1983; *Idem*. *The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process*. Oxford; Malden, 1989.

²³ Harvey D. *Social justice and the city*. L., 1973; *Idem*. *The urbanization of capital*. Oxford; N.Y., 1985.

²⁴ Soja E. *Postmetropolis...* P. 198.

радикально переосмыслить и реструктурировать, т.е. произвести деконструкцию, а затем воссоздание унаследованных форм городского анализа для решения практических, политических и теоретических проблем, поставленных в конце XX столетия.

В современной урбанистике Э. Сойя выделяет шесть основных дискурсов, которые подробно рассматриваются в “Постметрополисе”²⁵. Они являются попыткой подтвердить важность макроанализа пространства, хотя и не противопоставляются взгляду “снизу”, со стороны повседневности и местного сообщества. Понимание постметрополиса требует синтеза микро- и макро-перспектив, без которого невозможно понять современные урбанистические реалии.

1. Постфордистский индустриальный метрополис, или “гибкий город” (*flexcity*)²⁶; представителями данного дискурса являются Д. Харви²⁷, А. Скотт²⁸ и др. Э. Сойя рассматривает взаимосвязь процессов индустриализации и урбанизации, акцентируя внимание на изменениях, к которым приводит пост-фордистская промышленная реструктуризация. По его словам, именно данный аспект пространственной трансформации находится в центре внимания современных исследователей, в том числе и социологов²⁹, которые обсуждают переход от позднего (фордистского) метрополиса к новой форме организации пространства — постметрополису.

Мы наблюдаем формирование гибкого города с новым типом экономики, базирующейся на новом производстве и на сфере услуг. Исследователь полагает, что говорить о деиндустриализации и постиндустриализме не вполне верно, поскольку, с его точки зрения, параллельно с расширением сервисного сектора происходит мощный процесс реиндустриализации. Новое производство создается не только в области высокотехнологичной электроники, но и в дешевых трудоемких формах ремесла (*craft*). Сосредоточенность на постиндустриализме, по мнению Э. Сойи, не позволяет социологам увидеть сдвиги, ведущие не столько к сокращению производства, сколько к формированию более гибких производственных систем с плотными сетями, позволяющими интенсивно обмениваться информацией. Вместе с тем, создаются новые промышленные пространства, которые значительно меняют индустриальную географию позднего ффордистского метрополиса, что позволяет заявить о пере-

²⁵ Soja E. Postmetropolis...

²⁶ Ibid. P. 156–188.

²⁷ Harvey D. The urbanization of capital. Oxford; N.Y., 1985.

²⁸ Scott A. J. New industrial spaces: flexible production. Organization and regional development in North America and Western Europe. L., 1988.

²⁹ Ex.: Savage M., Warde A. Urban sociology, capitalism and modernity. N.Y., 1993.

ходе к постметрополису, но не постиндустриальному, а всего лишь постфордистскому.

2. Космополис (*cosmopolis*)³⁰, анализирующийся в трудах М. Кастельса³¹, С. Сассен³² и др. Это дискурс о глобализации и формировании новой иерархии глобальных городов, в котором, по словам Э. Сойи, социологи играют гораздо более важную роль, чем в первом. Исследователь отмечает взаимосвязанность и взаимодополняемость двух дискурсов, вместе с тем отмечая, что они часто конкурируют между собой, поскольку каждый из них предлагает свое объяснение новых тенденций в процессе урбанизации. По его мнению, это ограничивает оба дискурса, в частности, дискурс о глобальных городах ослабляется недостаточным пониманием процесса промышленной перестройки. Кроме того, он отмечает чрезмерную концентрацию на командных и контрольных функциях отдельных секторов (для их обозначения он предлагает аббревиатуру *FIRE* — *finance* (от англ. “финансы”), *insurance* (от англ. “страхование”), *real estate* (от англ. “недвижимость”). Вместе с тем, исследователи глобальных городов еще больше ограничивают область своих интересов, сосредоточивая внимание на двух крошечных участках, где командные функции наиболее очевидны, — это Уолл-стрит и лондонский Сити. Таким образом, происходит глокализация дискурса в двух городах — Нью-Йорке и Лондоне.

Э. Сойя отмечает опасную близорукость данного подхода, поскольку процессы, характерные для Лондона и Нью-Йорка, не в полной мере соответствуют тому, что происходит в других глобальных городах, например, Токио и Лос-Анджелесе, и даже в реиндустриализирующихся районах Большого Нью-Йорка и Большого Лондона. Таким образом, происходит упрощение связей между финансовым и промышленным секторами, а также между городом и агломерацией. Подобная близорукость препятствует полному и всестороннему пониманию последствий глобализации для пространственных изменений, а также новых оснований культурной политики и формирования идентичности в глобальных городах. Это в свою очередь углубляет разрыв между социологическими исследованиями глобализации и новыми подходами к изучению пространства, которые появляются в других науках, и, как правило, предлагают интерпретации постметрополиса на основе культуры.

³⁰ Soja E. Postmetropolis... P. 189–232.

³¹ Castells M. The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford; Malden, 1989.

³² Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 1991; *Idem*. Losing control? Sovereignty in an age of globalization. N.Y., 1996.

3. Экзополис (*exopolis*)³³, представленный в трудах Ж. Готтмана³⁴, Дж. Гарро³⁵ и др. Термин “экзополис” указывает на то, что город выходит за пределы своих традиционных границ, причем как в пространственном смысле, так и по своим характеристикам. Социальная и пространственная организация постметрополиса меняет традиционное понимание того, что является городским, пригородным, загородным, не городским и т.п.

С одной стороны, Э. Сойя говорит о появлении новых урбанистических форм, которые становятся результатом реструктуризации пространства, — пограничных городов (*edge cities*), внешних городов (*outer cities*) и постсубурбии (*postsuburbia*)³⁶. Например, постсубурбия — новый тип пригородов, это гетерогенная агломерация, сочетающая промышленное производство, торговлю, культурные и развлекательные объекты, а также другие традиционные атрибуты городов, такие как банды, преступность, наркобизнес и уличное насилие. Продолжать называть эти районы пригородами — значит исказить их современную реальность, проигнорировать кардинальные изменения, которые в них произошли.

С другой стороны, исследователь указывает на новые социальные процессы, которые во многом являются причиной происходящих изменений. В частности, он отмечает драматическую реконструкцию центральных районов города, которые покидает местное население и занимают трудовые мигранты из стран “третьего мира”, привозящие с собой свою культуру.

Эти трансформации способствовали появлению, с одной стороны, так называемого “нового урбанизма” в США и Великобритании, который предъявляет новые требования к городскому дизайну и принципам градостроительства. С другой стороны, необходимо отметить проведение исследований социальных и экологических последствий перестройки городской формы, примером которых является анализ Лос-Анджелеса в работе М. Дэвиса “Кварцевый город”³⁷. Таким образом, этот дискурс тоже начинает поляризоваться, что потенциально непродуктивно. Э. Сойя полагает, что именно этот дискурс акцентирует внимание на наиболее серьезных проблемах как для социологии, так и для всех городских исследований. Поэтому он отмечает потребность в более сбалансированных и гибких, но все же

³³ Soja E. Postmetropolis... P. 233–263.

³⁴ Since megalopolis: the urban writings of Jean Gottmann / Ed. by J. Gottmann, R.A. Harper. Baltimore; L., 1990.

³⁵ Garreau J. Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.

³⁶ Soja E. Postmetropolis... P. 238.

³⁷ Davis M. City of quartz: excavating the future in Los Angeles. N.Y., 2006.

критических подходах к интерпретации меняющейся окружающей среды и социальной географии постметрополиса.

4. Фрагментированный город, или метрополярности (*metropolitanities*)³⁸, анализирующийся в трудах Д. Массей³⁹, У. Уилсона⁴⁰ и др. Э. Сойя понимает под метрополярностями новые виды социальной поляризации и стратификации, увеличение социального неравенства, рост разрыва в доходах, что приводит к формированию новой реструктурированной социальной мозаики с новыми неравенствами и ограничениями в доступе. Исследователь полагает, что новые социальные группы не вписываются в традиционные классовые схемы, а следовательно, привычные модели выделения высшего, среднего и низшего классов в современных городах не работают.

Э. Сойя считает, что именно этот дискурс привлек внимание наибольшего числа социологов⁴¹, следствием чего стало появление множества новых терминов: “постоянный городской андеркласс”, или “действительно обездоленные” (*truly disadvantaged*), “динки” (аббревиатура “*dinks*” — *double income, no kids*), т.е. пары без детей, в которых оба работают, “профессионалы высшего уровня” (*upper professionals*), “новые технократы” (*new technocracy*), “работающие бедные” (*working poor*), “новые сироты”, к которым относятся как дети, растущие без родителей, так и пожилые, брошенные своими детьми, “гетто, живущие на социальные пособия”, “гипергетто” и т.п.

5. Тюремные архипелаги (*carceral archipelagos*)⁴². Этот дискурс Э. Сойя связывает с работой М. Дэвиса “Кварцевый город”, которая, по его мнению, излишне романтизируется многими урбанистами, вследствие чего они сужают рассмотрение проблемы до анализа лишь одного из ее аспектов. М. Дэвис изображает Лос-Анджелес как город с многочисленными тюрьмами, садистскими уличными сообществами, жилыми районами, которые превращаются в стратегические укрепления, охраняемые вооруженными общинами, а знаки сообщают о том, что “нарушители будут расстреляны”; город, который охраняется и патрулируется высокотехнологичной полицией. Однако М. Дэвис в своей работе подчеркивает, что глобализирующийся постфордистский метрополис с его необычайной культурной неоднородностью, растущей социальной поляризацией и новыми видами социального

³⁸ Soja E. Postmetropolis... P. 264–297.

³⁹ Massey D. Spatial divisions of labour. N.Y.; L., 1984.

⁴⁰ Wilson W. The truly disadvantaged: the inner city, the underclass, the public policy. Chicago, 1987.

⁴¹ Ex.: Dual city. Restructuring New York / Ed. by J.H. Mollenkopf, M. Castells. N.Y., 1991.

⁴² Soja E. Postmetropolis... P. 298–322.

неравенства становится взрывоопасным и объединяется в постметрополис преимущественно благодаря “тюремным” технологиям насилия и социального контроля, поддерживаемым капиталом и государством⁴³.

Эта радикальная точка зрения сдерживает усилия по практическому, политическому и теоретическому осмыслению современного мира и ослабляет способность переводить знания в эффективные действия.

6. “Города образов”⁴⁴ (*simcities*)⁴⁵. Ключевым для данного дискурса является понятие симулякра, производным от которого и формулируется его название. В понимании симулякра Э. Сойя опирается на позицию французского социолога Ж. Бодрийяра⁴⁶, чья интерпретация данного понятия наиболее широко известна, однако, является далеко не единственной⁴⁷. В центре внимания данного дискурса находятся разнообразные симуляции, симулякры, гиперреальные миры и другие проявления “городского воображаемого”, которые во все большей степени определяют различные аспекты нашей жизни и, таким образом, проникают в городскую повседневность. По мнению Э. Сойи, этот дискурс должен занять заметное место в современных урбанистских исследованиях, поскольку он отмечает нарастающее размывание границ между реальным и воображаемым.

Конструируемая гиперреальность постметрополиса должна быть проанализирована как на микроуровне повседневной жизни, так и на макроуровне изучения урбанизации и социального производства городского пространства. Э. Сойя считает этот дискурс чрезвычайно важным, поскольку полагает, что “городская образность” играет ключевую роль в новом, находящемся в процессе становления способе социальной регуляции, связанном с новыми способами мышления и действия в городской среде.

Таким образом, формируется киберпространство, которое совершенно не обязательно совпадает с пространством городским, но определяет логику его функционирования, детерминируя действия “электронного поколения гиперреальности”. Городское пространство все чаще предлагает имитации урбанизма и раз-

⁴³ Davis M. City of quartz... P. 27.

⁴⁴ В переводе главы из работы Э. Сойи “Постметрополис”, опубликованном в журнале “Логос” (Сойя Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). С. 133–150) и посвященном шестому дискурсу, его название переведено как “города-призраки”, что представляется не совсем верным.

⁴⁵ Soja E. Postmetropolis... P. 323–348.

⁴⁶ Baudrillard J. America. L.; N.Y., 1988.

⁴⁷ Mitchell W. City of bites: space, place, and the infobahn. Cambridge, 1995; Bremer M. Sim city: the original city simulator. Orinda, 1993.

нообразные вариации привычных образов, которые принимают формы виртуальных коммуникаций, отсутствующих географий (*nowhere geographies*), сотворенных компьютером искусственных миров, кибергородов и т.п.

Таким образом, первые два дискурса представляют собой анализ тех процессов, которые способствуют превращению позднего метрополиса в постметрополис, в то время как вторая пара дискурсов касается, прежде всего, эмпирических последствий этих изменений. При этом в дискурсе об экзополисе более явно просматриваются пространственные акценты, связывающие его с рассуждениями о постфордистской индустриализации и глобализации, а дискурс о метрополярностях акцентирует внимание на социальных последствиях этих изменений. Вместе с тем, Э. Сойя указывает на упрощенное понимание постметрополиса представителями дискурса о метрополярностях, что он частично связывает с поверхностным изучением связей между процессами реструктуризации пространства и их эмпирическими последствиями. В свою очередь, третья пара дискурсов исследует то, что можно назвать социальным ответом на последствия городской реструктуризации постметрополиса.

Рассмотренные дискурсы свидетельствуют о том, что современные города характеризуют новые контексты и новые проблемы, которые нельзя объяснить с помощью прежних моделей, подходящих для анализа уходящего метрополиса. Постметрополис по-прежнему остается площадкой для конфликтов и борьбы, но социальные процессы и пространственные формы, которые определяют эту борьбу, значительно отличаются от тех, которые были характерны для конца XX в. Вместе с тем, Э. Сойя прогнозирует, что и постметрополис начнет серьезно меняться, поскольку для него начинается этап нестабильности и кризиса. Он подробно рассматривает отдельные локальные, изолированные проблемы (например, беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 г.) и прогнозирует, что они могут стать предвестником глобального кризиса, вызванного реструктуризацией пространства⁴⁸. Это заставляет исследователя сделать вывод о том, что необходимы критические городские исследования, которые позволят сформировать концептуальную основу для выработки эффективной политики, в том числе, решения социальных проблем.

Подводя итоги, следует отметить, что Э. Сойя — один из самых ярких представителей социальной географии (*human geography*). Его работам удалось изменить городские исследования, открыть новые подходы к теоретическому осмыслению и практическому изучению

⁴⁸ Soja E. Postmetropolis... P. 396–397.

современных городов и регионов. Лос-Анджелес — город, который часто присутствует в его произведениях, поэтому символично, что премия Американской ассоциации географов за выдающиеся достижения (*Lifetime Achievement Honors*) в области теории городских исследований (особенно работы о важности изучения пространства, его значении для понимания не только города, но и общества в целом), была вручена Э. Сойе в 2013 г. на ежегодном собрании Ассоциации именно в Лос-Анджелесе.

Эвристическая ценность концепции Э. Сойи заключается в том, что он фиксирует уход в прошлое городского дуализма, предполагающего сочетание плотного, гетерогенного центра и однородных пригородов. Новая городская форма, получающая все большее распространение в современном мире — полицентричный город-регион, глобализированный, с огромным количеством различных сетей и основанный на информации⁴⁹. Результатом становятся социально и культурно разнородные урбанистические образования с отсутствием единого центра, сильной социальной поляризацией и неравенством богатства и власти.

Методология исследования пространственного неравенства, предложенная Э. Сойей, может помочь в выявлении и анализе его особенностей в современной России, для которой неравенство является одной из самых острых социальных проблем⁵⁰. Значимыми для изучения неравенства являются концепции и других исследователей⁵¹, однако, специфику пространственного неравенства и новые формы его проявления лучше всего позволяют понять работы именно Э. Сойи.

⁴⁹ Soja E. Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. N 3. P. 279. DOI: 10.1080/1360481032000157478.

⁵⁰ Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141; Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28; Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21. № 10. С. 55–61.

⁵¹ См., напр.: Добринская Д.Е. Социологическая концепция Томаса Маршалла: гражданство и социальное неравенство современных обществ // Труд и социальные отношения. 2009. № 10. С. 144–148; Мартыненко Т.С. Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91; Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 97–101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинина И.А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48–60.

Вершинина И.А. Влияние капитализма на процесс урбанизации: социология города Ричарда Сеннета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 172–183.

Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.

Вершинина И.А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.

Вершинина И.А. Трансформация социальной структуры в информационном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3–17.

Добринская Д.Е. Социологическая концепция Томаса Маршалла: гражданство и социальное неравенство современных обществ // Труд и социальные отношения. 2009. № 10. С. 144–148.

Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21. № 10. С. 55–61.

Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 97–101.

Мартыненко Т.С. Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.

REFERENCES

Baudrillard J. America. L., N.Y., 1988.

Bremer M. Sim city: the original city simulator. Orinda, 1993.

Castells M. The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements. Berkeley, 1983.

Castells M. The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford; Malden, 1989.

Davis M. City of quartz: excavating the future in Los Angeles. N.Y., 2006.

Dobrinskaya D.E. Sociologicheskaya koncepciya Tomasa Marshalla: grazhdanstvo i social'noe neravenstvo sovremennyh obshchestv [The Thomas Marshall Sociological Concept: Citizenship and Social Inequality of Modern Societies] //

- Trud i social'nye otnosheniya [Labor and Social Relations]. 2009. N 10. S. 144–148 (in Russian).
- Dual city. Restructuring New York / Ed. by J.H. Mollenkopf, M. Castells. N.Y., 1991.
- Friedmann J.* The world city hypothesis // *Development and Change*. 1986. Vol. 17. N 1. P. 69–84.
- Garreau J.* Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.
- Harvey D.* Social justice and the city. L., 1973.
- Harvey D.* The urbanization of capital. Oxford; N.Y., 1985.
- Kommunikation — Gedachtnis — Raum: Kulturwissenschaften nach dem “spatial turn” / Ed. by M. Csaky, Ch. Leitgeb. Bielefeld, 2009.
- Lyadova A.V., Novoselova E.N.* Social'no-ekologicheskie riski urbanizacii i razvitie moskovskoj aglomeracii: sravnitel'nyj analiz zarubezhnogo opyta [Socio-environmental risks of urbanization and the development of the Moscow agglomeration: a comparative analysis of foreign experience] // *Ehkologiya i promyshlennost' Rossii* [Ecology and Industry of Russia]. 2017. T. 21. N 10. S. 55–61 (in Russian).
- Martynenko T.S.* Teoriya global'nogo social'nogo neravenstva v sociologii mobil'nostej Dzhona Urri [The Theory of Global Social Inequality in the Sociology of the Mobility of John Urry] // *Sociologiya* [Sociology]. 2015. N 1. S. 85–91 (in Russian).
- Martynenko T.S.* Global'naya sociologiya G. Terborna: teoriya social'nyh neravenstv [Terborn's Global Sociology: Theory of Social Inequalities] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin]. 2015. N 391. S. 97–101 (in Russian).
- Massey D.* Spatial divisions of labour. N.Y.; L., 1984.
- Mitchell W.* City of bites: space, place, and the infobahn. Cambridge, 1995.
- Osipova N.G.* Neravenstvo v ehpohe globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science]. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).
- Polyakova N.L.* Social'noe neravenstvo v sociologicheskikh teoriyakh vtoroj poloviny XX v. Oformlenie konstruktivistskoj perspektivy [Social inequality in sociological theories of the second half of the XX century. Making a constructivist perspective] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2015. N 1. S. 5–28 (in Russian).
- Paul S.* In memoriam: Edward Soja (1940–2015), Distinguished Professor Emeritus of Urban Planning. URL: <http://luskin.ucla.edu/2015111220151112in-memorial-edward-soja-1940-2015-distinguished-professor-emeritus-of-urban-planning/> (accessed: 01.02.2018).
- Sassen S.* Losing control? Sovereignty in an age of globalization. N.Y., 1996.
- Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 1991.
- Sassen S.* The global city. Princeton, 2001.

- Savage M., Warde A.* Urban sociology, capitalism and modernity. N.Y., 1993.
- Scott A.J.* New industrial spaces: flexible production. Organization and regional development in North America and Western Europe. L., 1988.
- Since megalopolis: the urban writings of Jean Gottmann / Ed. by J. Gottmann, R.A. Harper. Baltimore; L., 1990.
- Soja E.* Writing the city spatially // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2003. Vol. 7. N 3. DOI: 10.1080/1360481032000157478.
- Soja E.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007.
- Soja E.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / Ed. by G. Bridge, S. Watson. Oxford, 2011. DOI: 10.1002/9781444395105.ch59.
- Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Ed. by J. Doring, T. Thielmann. Bielefeld, 2008.
- The spatial turn: interdisciplinary perspectives / Ed. by B. Warf, S. Arias. N.Y.; L., 2008.
- Vershinina I.A.* Vliyanie kapitalizma na process urbanizacii: sociologiya goroda Richarda Senneta [The influence of capitalism on the process of urbanization: the sociology of the city of Richard Sennet] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2013. N 1. S. 172–183 (in Russian).
- Vershinina I.A.* Transformaciya social'noj struktury v informacional'nom gorode [Transformation of the social structure in the informational city] // Sociologiya goroda [Sociology of the city]. 2013. N 3. S. 3–17 (in Russian).
- Vershinina I.A.* Social'noe neravenstvo v sovremennyh gorodah: perspektivy urbanisticheskoy revolyucii [Social inequality in modern cities: the prospects of the urban revolution] // Sociologiya goroda [Sociology of the city]. 2017. N 2. S. 5–19 (in Russian).
- Vershinina I.A.* Lokalizaciya mirovoj ehkonomicheskoy sistemy v glo-bal'nyh gorodah [Localization of the world economic system in global cities] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2017. N 3. S. 58–76 (in Russian).
- Vershinina I.A.* Anri Lefevr: ot “prava na gorod” k “urbanisticheskoy revolyucii” [Henri Lefevre: From the “Right to the City” to the “Urban Revolution”] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2018. N 2. S. 48–60 (in Russian).
- Wilson W.* The truly disadvantaged: the inner city, the underclass, the public policy. Chicago, 1987.